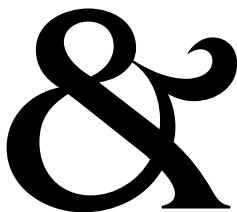

АРТЕФАКТ

ДЕТЕКТИВ

АРТЕФАКТ

ДЕТЕКТИВ

Мария ШЕНБРУНН-АМОР

Дар шаха

МОСКВА
2018

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Ш47

Оформление серии *С. Курбатова*

Оформление обложки *Н. Кудри*

Шенбрунн-Амор, Мария.

Ш47 Дар шаха : [роман] / Мария Шенбрунн-Амор. — Москва : Эксмо, 2018. — 320 с. — (Артефакт & Детектив).

ISBN 978-5-04-096950-0

Причудливы эмигрантские судьбы, горек воздух чужбины, но еще страшнее, когда все в мире сходит со своих мест и родина оказывается тюрьмой, сослуживцы — предателями, а лучшие в мире девушки шпионят за теми, с кем давно пора под венец. Хирург Александр Воронин, эмигрант в четвертом поколении, давно привык к мысли, что он американец, не русский. Но именно ему предстоит распутать узел, затянувшийся без малого сто лет назад, когда другой Александр Воронин, его прадед, получил от последнего из персидских шахов губительный и почетный дар — серебряную безделушку, за которую позволено убивать, предавать, казнить...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-096950-0

© Шенбрунн-Амор М., 2018
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо» 2018

*Посвящается Мише,
потомку и прототипу моих героев*

Что разум твой о тайне смерти знает?
Фирдоуси «Шахнаме»

Лос-Анджелес, 2017 год

а фотографии цвета сепии худой мужчина вглядывался в окуляр микроскопа. Светлая прядь, высокий лоб, тонкий нос с горбинкой, непроизвольно поджатый угол рта. Внизу вилась надпись: «Фотографическое ателье Настурьянца. Тегеран, 1920 год». Каждое утро из зеркала на меня смотрело точно такое же лицо. Но сейчас фотография валялась на полу, деревянная рамка была разломана, стекло разбито. Я увидел ее, едва вошел в дом.

Еще на улице я заметил что-то странное, но после суток у операционного стола был слишком измотан, чтобы испугаться. Уже не столько я вел «Питер-турбо», сколько машина меня тащила. А на крутом подъезде в гараж усталость мгновенно слетела. Что-то изменилось. Что?

Темнота, вот что. При приближении машины не включились фонари над входом. Наверное, замыкание. Завтра разберусь. Привычно ввел код, снимающий дом с охраны, нажал на экран навигатора. Дверь гаража плавно скользнула вверх. Закрыв гараж, вылез из машины, подключил электромобиль к подзарядке, бросил рюкзак в холле и шагнул в гостиную. Включился свет, и я замер. Здесь тоже было что-то неладно.

Огромное открытое пространство первого этажа как всегда пустовало. За сплошной стеклянной стеной тлели бескрайние россыпи ночного Лос-Анджелеса, но черный диван был сдвинут с места. Диван всегда стоял наискосок перед центральным камином, и с порога его высокая спинка загораживала левый холм. А сейчас холм лежал передо мной как на ладони. На полу у двери в кабинет валялась фотография прадеда.

Мне стало не по себе. По вторникам дом убирала Камила, но она никогда не сдвигала диван, и сегодня была среда. Кто-то явно побывал здесь или до сих пор прятался внутри.

Но в случае взлома сработала бы система тревоги. Может, фотографию сдуло сквозняком, а мне чудится всякая чертовщина только потому, что лампы у гаража не зажглись? Надо было пройти через гостиную, и в следующую минуту я поймал себя на том, что против воли стараюсь наступать на ковры, а не на звонкие мраморные плиты. Ночная тьма подглядывала за мной своими сверкающими глазами. Казалось, я с мишенью на груди пересекаю со всех сторон простреливаемое пространство.

У распахнутой двери кабинета я остолбенел: по комнате словно пронесся смерч. Кресло перевернуто, ящики стола выдернуты, книги сметены со стеллажей, картины сброшены со стен, ковер завален бумагами и осколками.

Тишина стала казаться западней. Я сделал шаг назад, вытащил телефон, набрал 911. Севшим голосом сообщил диспетчеру, что мой дом взломан, дал адрес. Нет, грабителей я не видел, никакой подозрительной машины не заметил. Нет, я не знаю, есть ли прямо сейчас внутри кто-нибудь. Думаю, что нет, но дом большой, в нем легко спрятаться. Спасибо, выходить

на улицу или запираться в ванной я все же не стану. Пять минут? Жду.

Сейчас я сильно пожалел, что у меня нет огнестрельного оружия. С пистолетом в руке я чувствовал бы себя увереннее. Через приложение на мобильнике включил свет во всем доме. С оружием или без — если внутри кто-то таится, я собираюсь найти его. Кухонное окно, выходившее в задний сад, оказалось разбито, из пробойины неприятно дуло. В верхнем ящике нашелся огромный мясной тесак, и это была первая хорошая новость за весь этот вечер. Все-таки оружие хирурга — нож, многолетняя практика не подведет. Я знал, куда им бить так, чтобы противник больше никогда не встал.

Поднялся по лестнице. В спальне тоже никого не оказалось, но и здесь повсюду следы взлома: ящики в комоды и тумбочках вырваны, вся одежда в гардеробной сброшена с полок и плечиков, на полу груды рубашек, пиджаков, свитеров и джинсов. При этом у изголовья постели лежали не тронутые новенькие TAG Heuer Aquagaser, а ведь не заметить их было невозможно.

Вихрь разрушения пронесся по всем комнатам. Я вернулся в кабинет, поднял с пола одну из иранских миниатюр. Стекло было расколото, пожелтевшее паспарту отодрано, узорная рамка безжалостно расщеплена. Эти миниатюры хранились в семье уже несколько поколений, но никакой художественной ценности не представляли. Картинки из тех, что продавались в начале XX века в Тегеране на каждом углу. Неудивительно, что их не стали красть, но зачем вырвали из рамок, смяли и испортили? Может, искали что-то на обороте?

Зато новенький, дорогуший Canon продолжал красоваться на полке. И персидский ковер лежал на своем месте. А старый комп времен юрского периода, не выброшенный только по лени, исчез со стола. На

полу валялся ящик от старого цейсовского микроскопа, самой дорогой мне семейной реликвии. Я поднял его и задохнулся от бешенства. Вишневое дерево треснуло при падении, сам микроскоп был сломан. Это в его окуляр смотрел мой прадед на фотографии. Четыре поколения моих предков хранили этот микроскоп, мать передала мне его, когда я поступил в Гарвардскую медицинскую школу. Он был эстафетной палочкой, перешедшей ко мне от первого Александра Воронина, лейб-медика персидских шахов.

Мало есть на свете вещей, порча которых могла бы так меня огорчить. Осколки от его сменных линз усеяли пол; шкатулку, в которой они хранились, тоже безжалостно раздавили в щепки.

Снаружи послышалась полицейская сирена, раздался звонок в дверь. Двое полицейских — оба невысокие, полные, среднего возраста, не отличимые друг от друга в своих униформах, несмотря то что один был мужчиной, а вторая женщиной, — проверили мои документы, прошли по дому, сфотографировали разбитое окно на кухне, следы погрома в кабинете, траву в саду, сняли отпечатки пальцев со всех поверхностей, расспросили, в какое время я ушел, когда пришел и что пропало. Их тоже удивило, что телевизор, дорогие часы и прочая электроника остались нетронутыми.

— Если система тревоги не сработала, вероятнее всего, вы просто забыли ее включить.

Я вытащил айфон, взглянул на историю охранного приложения. Выезжая на работу, я обычно включал систему автоматически, а в тех редких случаях, когда забывал, о ней напоминал красный огонек на экране, и тогда я включал ее прямо с телефона. Но приложение показывало, что сегодня дом вообще не был на охране. Неужели я забыл? День в операционной был

сумасшедшим, большую часть времени телефон пролежал в моем больничном офисе. Правда, перед уходом домой я проверил звонки и сообщения — никакого предупреждения на экране не было. Ладно, с охранной фирмой разберусь завтра.

— А каковы шансы найти грабителей?

— Шансы есть, — равнодушно сказал полицейский. — В конце концов непременно попадутся, не на этом деле, так на другом. Мы будем расследовать, и как только что-то прояснится, дадим знать.

Этот оптимистичный фатализм меня не утешил. Но стражи порядка, хоть и не могли обеспечить безопасность, зато сохраняли другую общественную ценность — абсолютное спокойствие. Для полиции Лос-Анджелеса взлом — рядовое событие. Это только в моем благополучном Маунт Олимпус этим можно кого-то удивить. Да, понять их можно: пострадавших нет, ничего ценного не украли. Порча статистики, ничего больше.

Я подписал протокол, и полицейские отбыли, посоветовав на прощание не забывать включать систему тревоги. Еще они пообещали этой ночью чаще проезжать мимо моего дома. К этому времени мне самому уже казалось, что ничего особенного не произошло и этот взлом — дело житейское.

Я снова поставил дом на охрану. Налил бокал вина, который успокоил меня значительно больше всех разговоров. С разбитым окном делать было нечего, и я пошел спать. Позади был долгий день в операционной, завтра я собирался встать в пять утра, чтобы побегать перед работой. Для самозащиты оставалось одно — сунуть на всякий случай тесак под подушку.

Утром в залитом солнцем доме, с кружкой кофе и «Хэлло, Долли» Армстронга на полную громкость

и вдобавок после отличной пробежки по тропинкам Холливуд Хиллс случившееся показалось сущей ерундой. По-настоящему меня расстраивала только порча прадедовского микроскопа.

Уже в выходной, после угрозы матери приехать и сделать все за меня, я наконец заставил себя разобрать следы разгрома.

Пока раскладывал вещи по местам, снова поневоле задумался о необъяснимом поведении грабителей. Что за причуда — сорвать с вешалок всю одежду? Что они искали по всему дому? Сейф? Среди костюмов было несколько вполне щегольских — коричневый Brioni, серый Luciano Barbera, темно-синий Hugo Boss. Был новый пиджак от Givenchy, несколько кашемировых свитеров. Все это барахло было почти не ношеным, его вполне можно было загнать на eBay. Но привередливые взломщики побрезговали дизайнерским тряпьем, как и часами, электроникой и гаджетами. Впечатление было такое, что в дом влезли не столько чтобы его обокрасть, скорее чтобы обыскать.

Только когда я растолкал по ящикам стола все разбросанные документы и бумаги, стало ясно, что пропало. Не было семейного архива, всегда лежавшего в нижнем ящике. Я пересмотрел оставшиеся бумаги и обнаружил, что пропало все, что имело отношение к Ирану. Точнее, к моему экзотическому прадеду — доктору Александру Воронину.

Тегеран, 1920 год

Душный, недвижимый воздух июньской ночи не колебал даже фитильки свечей на обеденном столе. Зато ураган революций и смут крепчал, приближался

к столице и грозил унести затхлую династию каджарских шахов в небытие.

Владимир Платонович Туров, грузный сорокапятiletний полковник персидской Казачьей бригады, брезгливо принял к ирландскому виски в граненом стакане.

— Саша, правительство шаха не сегодня завтра рухнет, в Тегеране начнется резня.

Александр Воронин, сухощавый блондин с ястребиным профилем, одетый по-домашнему — в персидские свободные шаровары и длинную льняную рубашку, невозмутимо сворачивал папиросу худыми пальцами. Туров с отвращением отхлебнул маслянистой желтой жидкости.

— Вы моя последняя надежда, Саша. В сто раз проще идти в атаку, чем обивать здесь министерские пороги. Всем наплевать, что моя бригада — единственный оплот порядка в Персии! — Саша аккуратно отмерял порцию табака для новой самокрутки. Полковник склонился к нему через стол: — Англичане, черт бы их драл, полностью прекратили обещанные поставки припасов. Да что поставки — не платят жалование солдатам, шарахаются от меня, как клопы от скипидара. А все эти мирзы и визири умеют только кланяться и растекаться медом. Завтра разбегутся мои шальные курды и черкесы, вернутся к разбою, и большевики голыми руками возьмут Тегеран. — С детской обидой, неожиданной в немолодом уса- том вояке, пожаловался: — А ведь каджарских шахов на троне именно Романовы держали.

Воронин лизнул край конопляной бумаги, аккуратно заклеил папиросу. Романовы даже собственный трон не смогли удержать. Вслед за Россией в революционный хаос неудержимо соскальзывала Пер-

сия. В последние годы в прикаспийских областях то там, то здесь вспыхивали социалистические восстания и стычки между курдами, ассирийцами, персами, черкесами, туркменами и армянами. Волна мятежей грозила докатиться до Тегерана.

— Владимир Платонович, все ведь понятно. Зачем англичанам финансировать Казачью бригаду, которой по-прежнему командуют русские царские офицеры? Им сейчас ваша бригада самым позарез нужна — или силой заставить меджлис¹ ратифицировать англо-персидское соглашение, или разогнать строптивых парламентариев.

— Голубчик, попросите Ахмад-шаха заступиться за бригаду! Это же в его интересах, без нас он окончательно превратится в британскую марионетку!

Воронин был личным врачом Тени Аллаха, Источника Правосудия и Предводителя Правоверных и потому знал, что его высочайшего пациента волнуют всего три вещи: испорченное пищеварение, гаремные склоки и скорейшее подписание англо-персидского соглашения. Соглашение хоть и вручало державу Дария и Кира Британской империи, зато самому Ахмад-шаху сулило два миллиона фунтов и британскую защиту. Но и отказать Турову Воронин не мог: они были коротко знакомы с тех времен, когда Воронин еще заведовал госпиталем в захолустном Реште, а Казачья бригада под командованием полковника защищала прикаспийский город от турецких войск и местных мятежников.

— Владимир Платонович, я любую вашу просьбу исполню, но толку не будет. У нашего Стержня Вселенной ни власти, ни денег. Горемыка давно ничем, кроме своего гарема, не правит.

¹ Парламент.

— Что же будет, Саша? Этот большевистский эмиссар, Карл Рихтер, интригует, добивается, чтобы вместо «рудиментов царского режима» бригадой советские комиссары командовали. Где это слыхано: меня, православного, офицера, русского патриота, рудиментом обозвать! Немчура, как есть немчура.

— На советских вас, конечно, не заменят. Ни шах, ни англичане советскую Россию не признают, а у самого Рихтера ни официального положения, ни влияния. Его все на дух не выносят, даже сами большевики. — Воронин долил виски в стакан полковника, а собственный «Сингл молт» разбавил водой. — Зато вчера во дворце я наткнулся на вашего персидского полковника, Реза-хана. Он что-то увлеченно обсуждал с генерал-майором Денстервилем.

Туров сгреб с тарелки горсть соленых дынных семечек.

— Значит, Реза-хан в Тегеране? Небось как и я выбивает жалованье своему Казвинскому батальону.

— Если это так, он добьется своего без труда. Мне показалось, что Денстервиль весьма к нему расположен. Я бы на вашем месте не Рихтера опасался, а Реза-хана.

В темноте сада тонко и безответно прокричал сыч. Низкий потолок давил. Туров резко поставил стакан.

— Да что вы в самом деле, Александр? Никогда ни англичанин, ни перс не смогут захватить Казачью бригаду! У меня почти десять тысяч вернейших казаков-горцев и больше сотни русских офицеров!

— Владимир Платонович, значит, у вас десять тысяч убедительнейших доводов возобновить снабжение. С таким войском вам не просителем пороги обивать, а вести свою дивизию на защиту каджарского трона и персидского отечества от посягательств Англии и мятежников.

Туров крякнул, отмахнулся:

— Выдумщик вы, Саша, прямо декабрист. Сейчас не время для наполеоновских замашек. Я вам не Ата-тюрк и не Гарибальди какой, а русский офицер под присягой. Какие перевороты, когда большевики и мятежники только и ждут, чтоб на Тегеран хлынуть?

— Если вас начнут бояться, вам будут платить. — Подумал и добавил: — Или избавятся от вас.

Туров поправил на груди звезду святого Георгия:

— Не для себя бригаду берегу, для будущей России, для царя и отечества! Только поэтому и к белым не ушел.

Даже теперь, после поражения Деникина, Владимир Платонович готов был счесть малейшее сомнение в грядущей победе белых нарушением присяги. Воронин в возвращение Романовых не верил, но спорить поленился. Его чувство долга и вера в человечество подгнили еще в окопах Галиции и вовсе смертельно занедужили в чумном бараке Решта. А когда повстанцы Кучек-хана ворвались в больницу, согнали всех раненых мужчин в подвал и расстреляли, Воронин окончательно понял, что и сам он, и вся медицина с добрыми ее намерениями совершенно бесполезны в мире, где люди уже пять лет беспрестанно уничтожают друг друга. На свете осталось очень мало вещей, из-за которых он стал бы спорить.

Туров выудил из густого сиропа светло-желтый шадский финик, сплюнул косточку, шумно обсосал повисший на пшеничных усах сироп.

— Одна радость сегодня приключилась, Саша. Секрет, но от вас не могу таить: Елена Васильевна согласилась стать моей женой.

— Мм? — Воронин опустил голову, уставился на сжатую в пальцах папиросу. Глаза плотно завесили

светлые пряди. — Очень рад за вас, дорогой Владимир Платонович. От всего сердца поздравляю вас и Елену Васильевну.

— Как только разрешится вопрос с жалованьем, объявим о помолвке.

— Да зачем ждать-то, Владимир Платонович? Елена Васильевна не та женщина, чтобы из-за жалованья передумать.

— Думаете, мне следует поторопиться? — Полковник подергал ус. — Когда я уходил от нее, к ним в дом какой-то долговязый штафирка в гимнастерке заявился...

— Петр Шестов, наверное. Недоучившийся археолог, романтик, анархист. Прибыл в Персию в надежде раскапывать Персеполь. А пока служит на железнодорожном вокзале и в нашей богадельне подрабатывает, за стариками ухаживает.

— Вот за стариками пусть и ухаживает, — с угрозой разрешил полковник.

— Владимир Платонович, привыкайте. Рядом с Еленой Васильевной даже трухлявый боров Джордж Стефанополус, и тот на дыбы встает.

Туров в очередной раз отхлебнул ирландского зелья, поднял на Александра слегка осоловевший взгляд:

— Саша, если честно, я сам до сих пор не могу понять, как она мне свое согласие дала, когда вы рядом.

Сатиновый бешмет полковника потемнел под мышками, на блюдах кисли в йогурте недоеденные куски жирной баранины, корчились тонкие лепешки лаваша, желтел рассыпчатый соленый сыр, тускнели арбузные ломти. По-прежнему не поднимая глаз от сигареты, Александр ответил: